

РОЗДІЛ 2

ЕМПІРИЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА

УДК 316.334.3

НАСЛЕДИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Куценко Ольга Дмитриевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных структур и социальных отношений Киевского национального университета имени Т.Шевченко

Автор рассматривает случай Украины как постсоциалистического трансформирующегося общества сквозь призму политической культуры. В фокусе изучения – исследовательский вопрос об изменениях в политической культуре, произошедших с 1991 года под влиянием институциональных смещений, которые привели к введению рыночной экономики, частной собственности и электоральной демократии. Эмпирический анализ в сравнительной перспективе, основанный на данных нескольких национальных и международных опросов, позволяет сделать вывод о сохранении постсоциалистического наследия в ценностях и поведенческих моделях постсоциалистических украинских граждан. Другой важный гипотетический вывод связан с пониманием принципиальной роли "культурной матрицы" общества в определении возможных коридоров социальных изменений¹.

Ключевые слова: социетальные трансформации, политическая культура, постсоциалистическое культурное наследие, постсоциалистические граждане, культурная матрица.

Автор розглядає випадок України як постсоціалістичного суспільства, що трансформується, крізь призму політичної культури. У фокусі вивчення – питання про зміни у політичній культурі, що відбувалися з 1991 року під впливом інституційних зсувів, які привели до введення ринкової економіки, приватної власності та електоральної демократії. Емпіричний аналіз у порівняльній перспективі, заснований на даних кількох національних і міжнародних опитувань, дозволяє зробити висновок про збереження постсоціалістичної спадщини у цінностях і поведінкових моделях постсоціалістичних українських громадян. Інший важливий гіпотетичний висновок пов'язаний із розумінням принципової ролі "культурної матриці" суспільства у визначенні можливих коридорів соціальних змін.

Ключові слова: соціетальні трансформації, політична культура, постсоціалістичне культурну спадщину, постсоціалістичні громадяни, культурна матриця.

The author considers the case of Ukraine as the post-socialist transformative society, through the prism of political culture. The research question about the changes in political culture since 1991, under the institutional shifts resulted in introducing of market economy, private property and electoral democracy, is under scrutiny. The empirical analysis in comparative perspective based on a set of international and national research data allows proving the conclusion about persistence of post-socialist legacy in values and behavior models of post-socialist Ukrainian citizens. Other important hypothetic conclusion deals with understanding of principal role of the 'cultural matrix' of a society in definition of possible corridors for social changes.

Keywords: societal transformations, political culture, post-socialist cultural legacy, post-socialist citizens, cultural matrix.

В статье будут представлены некоторые результаты изучения изменений в политической культуре украинского общества за двадцать лет постсоветского развития. Данные изменения которые случились либо ожидалось, но не произошли, могут объяснить и в то же время натолкнуть на постановку вопросов, связанных с лучшим пониманием механизмов социетальных трансформаций, а также социальных и политических процессов не только в Украине, но и в других постсоциалистических странах Восточной Европы.

В своем провокационном "календаре" посткоммунистических изменений Ральф Дарендорф определил 6 месяцев для формирования репрезентативной демократии, 6 лет для становления рыночной экономики и 6 десятилетий – для гражданского общества [1]. Принимая во внимание полусерьезность такого рода хронологизации, вместе с тем отмечаем, что последовательность социетальных изменений автором определена верно. И в данной последовательности наиболее сложным для обществ оказывается развитие активного гражданского общества и, добавим, демократической политической культуры.

Провозглашение независимости Украины как суверенного государства в 1991 году стало неожиданностью для многих людей, в т.ч. социальных ученых и политиков, многие из которых не верили в способность Украины отстоять и развить свой суверенитет. Ведь, несмотря на древнюю историю Киевской Руси, еще не то что в 19-м, а и в начале 20-го века Украины не существовало как государственного образования. Многие века украинцы вели борьбу за собственную государственность, причем в условиях мощного давления со стороны трех империй – Османской, Российской и Австрийской, а также Польского королевства. Народ современной Украины исторически был разделен между этими империями и королевствами, и такое исторически длительное нахождение в "имперском треугольнике" не могло не отразиться на особенностях политической культуры и психологии народа.

Не секрет, что современная Украина возникла в результате своеобразного социального и политического эксперимента. Таблица 1 демонстрирует историческое наследие 9 регионов современной Украины, которые в разные времена принадлежали разным империям и королевствам, имели различные конфессиональные ориентации, в XX веке в различное время были включены (и часто насильственно) в состав СССР и политическими решениями присоединены к Украине как советской республике.

Образование суверенного украинского государства в 1991 году стало новым опытом для украинского народа. И до середины первого десятилетия 2000-х годов успешность этого проекта была неоднозначной. Неоднозначной была и демократическая перспектива Украины. "Оранжевая революция", массовая демократическая социальная мобилизация в Украине в середине 2000-х привлекла внимание мира как яркий пример демократического протеста против авторитаризма и политических манипуляций. Данные события сформировали массовые ожидания относительно успешности демократического развития общества. Однако политические процессы и события после президентских выборов в 2010 году вновь подчеркнули проблематичный характер будущего демократии в Украине. Принимая во внимание, по крайней мере, геополитическое положение страны, численность населения (более 45 млн. в 2011 году), вклад Украины в региональные и глобальные политические процессы, необходимо рассматривать проблему социально-политического развития Украины не только в терминах интересов Украины, ее внутренних дел или перспектив европейской интеграции, но также в терминах социально-политической стабильности в большом регионе Европы.

Более того, случай Украины является также важным для проверки социологических и политологических теорий, объясняющих механизмы изменения социальных систем, постсоциалистические трансформации, а также возможности и ограничения в развитии демократии в современном мире.

За 20-летний период в украинском обществе произошли существенные изменения, и прежде всего - институциональные смещения: либерализация экономики, развитие частной собственности, рынков и электоральной демократии. Общество стало более открытым, динамичным, существенно возросли миграционные обмены.

Классическая теория модернизации говорит о том, что за такими изменениями должны следовать изменения в культуре общества, в т.ч. политической культуре. *Повлияли ли эти изменения на политическую культуру? И если повлияли, то насколько сильно? Какова роль демократических ценностей в этих изменениях?* Это – ключевые вопросы, на которые попытаемся ответить, опираясь на анализ социологических данных.

Базовые социальные механизмы в конструировании политического порядка: теоретические штрихи

Следуя за М. Вебером, Т. Парсонсом, Дж Александером, мы рассматриваем культуру как ключевой механизм, который придает смысл человеческим действиям, координирует их и обеспечивает

возможность той или иной институциональной формы общества. Любая социальная система обретает свою действительность только благодаря человеческим действиям. Ценности (культура) и структура социальной системы связываются действующими акторами и таким образом становятся конституирующими элементами общества (см. рисунок 1).

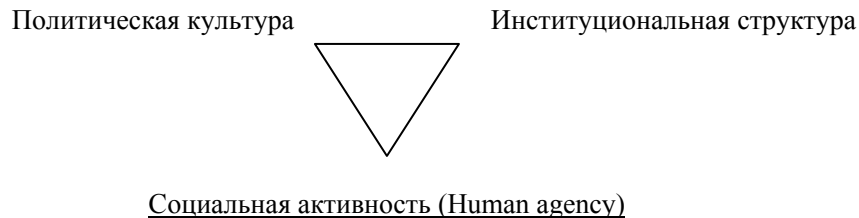

Рисунок 1. Фундаментальный механизм конструирования политического порядка:

Культура, ценности обеспечивают легитимацию институциональной структуры и, по сути, *определяют концепцию возможной социальной системы и политического порядка*. Если культура, ценности не соответствуют институциональным формам, то это несоответствие способно приводить к таким последствиям:

- возможным институциональным деформациям и структурной неэффективности общества (*на системном уровне*),
- социальной неудовлетворенности, массовой протестной мобилизации или, наоборот, политическому отчуждению (*на массовом уровне*),
- и как долговременное следствие – системной нестабильности, провоцирующей глубокие социальные изменения (с помощью революций, бунтов или, в более счастливом случае, реформ).

В многочисленных эмпирических исследованиях, основанных на анализе отдельных национальных или региональных случаев, доказано, что культурные факторы и время играют ключевую роль в стабилизации и укоренении демократии, как и наоборот [2-6]. От этого вывода мы отталкиваемся и в нашем исследовании.

Дискуссионным является определение ключевого для нас понятия политической культуры. Не вдаваясь в обсуждение теоретических интерпретаций (что, в частности, нами было сделано еще в кандидатской работе), мы будем использовать данное понятие в классическом определении, данном Г.Алмондом и С.Вербой [7; 8], и уточненном в работах Розенбаума [9], в 1990-2000-х годах Г. Китчельтом [5], Д.Фуксом и Г. Клингеманом [10; 11]. Несмотря на множество критических комментариев в течение последних 30 лет в адрес классического определения, интерпретация политической культуры Г.Алмонда и С.Вербы продолжает использоваться в большинстве эмпирических исследований. В самом общем случае под политической культурой понимаются "субъективные ориентации на политику" [7], или "совокупность установок, верований и чувств в отношении хода событий в нации в конкретное время" [8, с. 25]. Такое определение расплывчато, однако делает концепт привлекательным в эмпирическом анализе, поскольку позволяет аналитически разделить и операционализировать в системе индикаторов три способа функционирования политической культуры (деятельностный, ценностный и эмоциональный) как механизма, связывающего личность, группу и действующий политический режим. Данная теоретическая интерпретация понятия была положена в основу инструментария, используемого во влиятельных международных, кросс-культурных исследованиях, на данных которых мы будем проводить наш анализ.

Отталкиваясь от названных интерпретаций, в данной работе под *политической культурой* мы будем понимать выражение экспрессивной, моральной и инструментальной поддержки (в верованиях, ценностях и установках) гражданами политической системы, демократии или автократии.

В исследовании *постсоциалистической политической культуры* мы ориентируемся на представление о наследовании, воспроизводстве ряда важных характеристик, присущих политической культуре позднего советского общества, которые сохраняются с течением времени. Современные теории социетальных трансформаций позволяют сделать следующие базовые предположения:

- 1) постсоциалистическое развитие Украины существенно зависит от политической культуры граждан, которая обеспечивает (либо наоборот) укоренение определенных институтов и режима;
- 2) культурные изменения являются более медленными, чем изменения институтов;
- 3) культурное наследие укоренено в глубинах массового сознания, чему способствовала принудительная культурная унификация как средство легитимации авторитарного правления в советском прошлом:

- это наследие проявляется в устойчивых моделях ценностных ориентаций, верований, поведенческих установок, ориентированных на авторитаризм и патернализм в отношении роли государства и граждан в политике, их участия в публичной сфере;

- культурное наследие конституирует стабильную поведенческую матрицу (К. Поланьи, С. Кирдина), определяющую коридоры возможных социальных и политических изменений общества.

Далее мы собираемся эмпирически проверить предположение о воспроизводстве в массовом сознании украинского общества ценностных ориентаций, верований, поведенческих установок, ориентированных на авторитаризм и патернализм в отношении роли государства и граждан в политике, их участия в публичной сфере, несмотря на произошедшие существенные изменения в институтах экономики и политики за последние двадцать лет.

База эмпирических данных и основные переменные

За 20 лет постсоциалистического развития накоплен масштабный архив данных социологических исследований национального и международного уровней, который позволяет решать множество исследовательских задач. В данной работе мы будем анализировать данные следующих проектов:

- ежегодный социологический мониторинг социальных изменений в Украине, проводимый Институтом социологии НАН Украины под руководством Н.Паниной и Е.Головахи с 1993 г.; репрезентативный выборочный опрос, n=1800;

- проект изучения "посткоммунистических граждан", реализованный в 6 восточноевропейских странах, включая Украину, в 1990-1991 гг. под руководством С.Г.Барнеса, Дж.Саймона и Г.-Д.Клингемана; репрезентативный выборочный опрос, n=1752 в Украине [7]; описание данных украинской части исследования представлено в коллективной монографии Института социологии НАН Украины 1993 года [12];

- 4-я волна проекта изучения европейских ценностей (EVS-4) в 2008 году; репрезентативный выборочный опрос, n=1800 в Украине (<http://www.europeanvaluesstudy.eu/>);

- 5-я волна проекта Европейского социального исследования (ESS-5) в 2009 году, репрезентативный выборочный опрос, n=1800 в Украине;

- проект Pew исследовательского центра (Вашингтон) изучения социальных установок в посткоммунистических странах через 20 лет после начала системных трансформаций (The Pew Global Attitudes Project, 2009 - [13], а также специальный проект "Двадцать лет спустя: уверенность в демократии и провалы капитализма в бывшем Советском Союзе", реализованный в начале 2011 г. в Украине, России и Литве [14].

В измерении проявлений постсоциалистической политической культуры мы будем использовать выборочные индикаторы, представленные в названных базах эмпирических данных, а именно:

1) легитимация автократии или демократии (в EVS-4 – "поддержка как лучшей системы"):

- политическая система: сильный лидер (шкала 1- "очень хорошо" - 4- "очень плохо");
- политическая система: правление военных (шкала аналогичная);
- политическая система: демократия (шкала аналогичная).

2) Вера в эффективность системы (в EVS-4 – позитивная или негативная оценка демократии, индекс рассчитан А. П. Горбачиком):

- демократия: ухудшает экономику,
- демократия: является нерешительной,
- демократия: не может обеспечить порядок,
- политическая система: демократическая,
- демократия: лучшая политическая система,

3) установки на политическую активность: готовность принимать участие в различных политических акциях, например: подписание петиций, участие в бойкоте и прочее. Индекс установки на политическую активность рассчитан А.П. Горбачиком на данных ESS-5, однофакторное решение объясняет 57% дисперсии;

4) доверие институтам (социальным и политическим);

5) личностная автономия или зависимость: (не-)зависимость в выборе жизненного пути (независимость, ответственность в принятии решений, касающихся личного благополучия);

6) установки на роль государства в регулировании экономических и социальных проблем;

7) индекс авторитаризма (рассчитан А.П. Горбачиком на данных EVS-4 с применением факторного анализа в пространстве 4-х переменных, метод принципиальных компонент. Однофакторное решение 49 % дисперсии).

Ожидалось, что в ходе анализа эмпирических данных за период 1990-2011 годов будет обнаружено усиление ценностей личностной независимости, легитимации демократии и, соответственно, понижение установок в поддержку регулятивной роли государства и ценностей авторитаризма как результат опыта жизни граждан в принципиально иных, по сравнению с периодом государственного социализма, институциональных условиях: рынка, конкуренции и плюрализма, открытости и мобильности, множественности выбора.

Изменения и устойчивость в украинской политической культуре

Не имея возможности в жанре статьи подробно представить результаты анализа, обратим внимание в тезисной форме на наиболее значимые из них.

1. Легитимация автократии или демократии как лучшего политического режима. Что изменилось за последние 20 лет в восприятии граждан?

В поиске ответа на данный вопрос мы не можем сделать прямое сравнение состояния переменных в 1991 (проект "Посткоммунистические граждане" - [11; 12]) и 2009-2011 годах (проекты The Pew Research Centre – [13; 14]) в силу различия в измерительном инструментарии. Однако мы можем сравнить тренды по подобным индикаторам в изменении восприятия и установок на альтернативные политические режимы.

В таблице 1 представлены данные исследования 1991 года по 6 постсоциалистическим странам. Причем интересно то, что в Украине опрос проводился дважды: до распада СССР и после провозглашения суверенного государства Украины. Восприятие демократии измерялось в ее политическом и экономическом проявлениях. Анализ данных подтверждает высокую степень массовой эйфории и некоторой наивности украинского общества в восприятии демократии как режима, который ассоциировался с определенно лучшей жизнью: с политическими свободами, равенством всех перед законом, улучшением экономики и условий жизни. Сравнение данных показывает, что в социальном восприятии демократии в Польше, Венгрии, Чехии и Словакии было больше скепсиса и реализма, чем в Украине. Однако за большими надеждами, как правило, следуют большие разочарования, что продемонстрировало в последующие годы украинское общество.

Таблица 1.

Ассоциации с демократией (культура демократии), 1991 г., % позитивных выборов по странам*

Массовые интерпретации демократии	Центр., восточн. Европа	Украина	Польша	Болгария	Румыния	Венгрия	Чехослов.
1. Ассоциации с полит. ценност - полит. свободы	70.8	73.7	70.3	75.8	55.6	75.3	79.6
- равенство всех перед законом	71.0	85.1	62.4	89.0	48.9	77.6	63.0
2. Ассоц. с экон. ценностями - улучшение экон. Условий	59.3	64.7	46.8	81.6	79.0	56.2	37.0
- > работы, < занятости	48.7	57.3	37.7	65.4	66.9	47.6	20.4
Тип ассоциации (комбинация 1+2)							
Домин. полит. ценностей	29	30.8	29.3	25.1	10.5	34.1	42.9
Полит. и экон.	29.3	38.7	24.6	47.3	25.4	33.5	12.7
Домин. экон. ценностей	13.6	11	10.2	14.4	36.1	7.2	5.6
Амбивалентность	28.0	19.6	36.0	13.2	28.0	25.2	38.7

*Источник: S.H. Barnes, J. Simon (Ed.) The Postcommunist Citizen: p. 71 – [11]

Если в 1991 году политические ассоциации с демократией (политические свободы и равенство) существенно преобладали над экономическими интерпретациями в поддерживаемых изменениях режима (31% против 11%), то по данным исследовательского центра в Вашингтоне в 2009 году мы видим противоположное соотношение ассоциаций в восприятии демократии (см. рис.2).

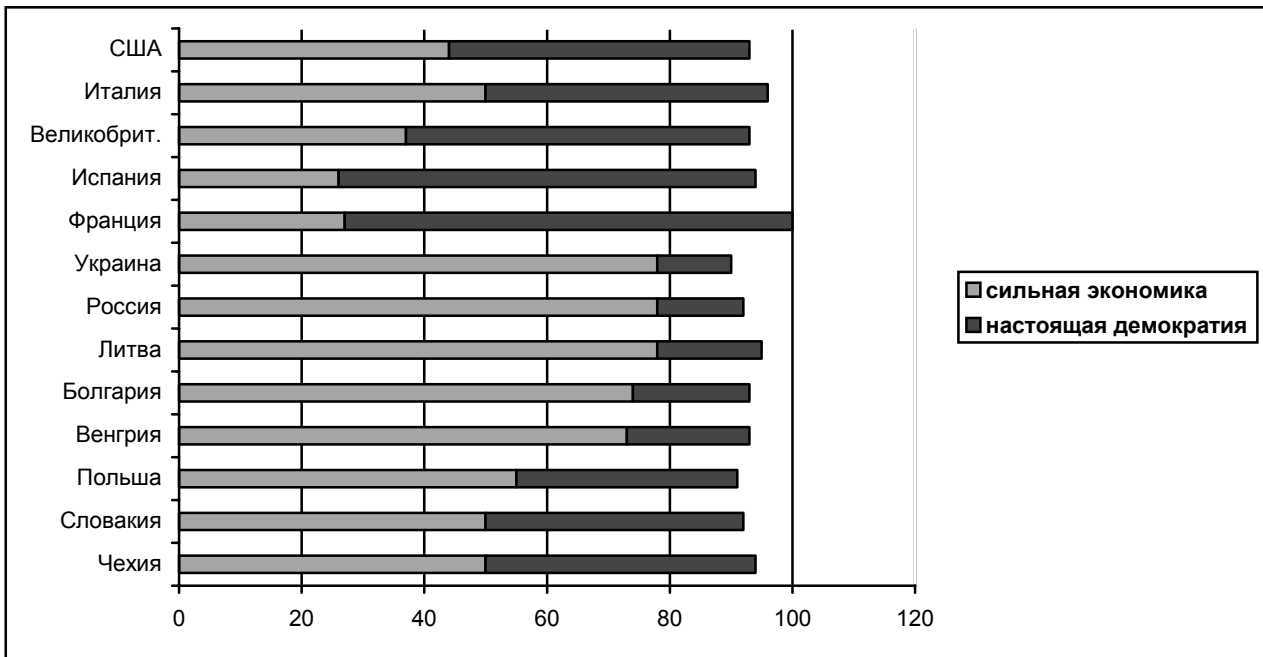

Рисунок 2. **Что является более важным?** (Pew Global Attitudes Project, 2009; вопрос 43, в % по странам) – [14]

В Украине доминирующей становится ценность сильной экономики, которая вытесняет в массовом сознании ценность демократии (78% против 12% среди тех, кто определенно выбрал соответствующую альтернативу как лучшую для развития общества). В 2009-2011 годах соотношение данных ценностей в украинском и российском обществах является подобным (рис. 2), с другой стороны, существенно иным по сравнению с восточно-европейскими и западно-европейскими странами, включенными в выборку исследования, где ценность демократии продолжает быть очень значимой. Именно с демократией и капиталистическим развитием массовое сознание украинского (а также российского, литовского) общества преимущественно связывает ухудшения, произошедшие за последние 20 лет в общественной морали, порядке и жизненных стандартах. Существенное несоответствие ожиданий и реальности стало причиной резкого падения легитимности демократии как политического режима.

Данные Европейского изучения ценностей за 2009 год также подтверждают относительно низкий уровень легитимности демократии в Украине по сравнению с рядом других восточно-европейских стран (табл. 2). Наряду с этим, установки на поддержку автократии являются более значимыми в Украине, чем в других 10 выбранных для сравнения странах, за исключением Румынии и Молдовы.

Таблица 2.

Легитимация автократии и демократии в странах, данные EVS-2009, индексы поддержки
(расчеты А.П.Горбачика)

	N	Автократическая полит. система	Милитаристская полит. система	Демократическая полит. система
Австрия	1370	3,29	3,71	1,57
Словакия	1291	3,35	3,62	1,90
Чехия	1590	3,06	3,59	1,94
Венгрия	1456	3,00	3,61	1,93
Польша	1359	3,10	3,28	1,92
Россия	1299	2,32	3,23	2,12
Турция	1978	2,26	2,87	1,65
Болгария	1212	2,25	3,25	1,99
Украина	1296	2,17	3,41	2,17
Румыния	1331	1,98	3,01	1,87
Молдова	1440	1,78	2,94	1,94
Средние значения	15622	2.59	3.31	1.89
		1 > I > 4	1 > I > 4	1 > I > 4

2. Другой комплекс важных индикаторов связан с **верой в эффективность системы** – или позитивные и негативные оценки действующей демократии. Этот индикатор имеет отношение к результатам демократического процесса или, следуя за концепцией Линца [3, р. 20] – это "способность режима находить решения базисных проблем, с которыми сталкивается политическая система".

За 20 лет постсоциалистических трансформаций украинского общества международные индексы, оценивающие институциональное развитие демократии, существенно улучшились. К концу первого десятилетия 2000-х годов международной общественной организацией Дом Свободы украинское общество было классифицировано как имеющее устойчивую демократию (см. данные Freedom House - <http://www.freedomhouse.org/>). Однако уже в специальном аналитическом докладе Дома Свободы Украины за 2010-2011 гг. отмечается ухудшение соблюдения политических прав и гражданских свобод в стране [15], что подчеркивает незавершенность в выборе пути демократизации развития общества. При этом принципиальным является то, что за весь период постсоветского развития в Украине остаются низкими качество и эффективность политического управления (в частности, см. соответствующие значения индекса трансформации Бертелсмана - <http://www.bertelsmann-transformation-index.de/en/bti/>). Так, по данным Исследовательского центра в Вашингтоне [14, с. 16], разрыв между долей граждан Украины, ориентированных на демократию в развитии общества ("демократия – это очень важно"), и, с другой стороны, позитивно оценивающих то, как фактически работает демократия в стране, в 2011 году составил 38% (50% и 12%, соответственно).

С коллапсом СССР и институциональными изменениями в сторону рынка и многопартийности граждане Украины утратили массу важных социальных гарантий индивидуального благополучия, в частности, гарантии полной занятости, дотированных цен на товары и услуги (включая жилье), бесплатной системы охраны здоровья, труда, медицинской помощи, образования и сферы культуры. Все это осталось в советском прошлом и стало значительной утратой, болезненно воспринимаемой большинством граждан. Через 20 лет после распада СССР, согласно данным исследовательского центра в Вашингтоне, граждане Украины отмечают особенно сильные негативные последствия изменений в состоянии общественной морали и уровня жизни [14]. По данным показателям украинское общество выглядит заметно хуже даже по сравнению с Россией (таблица 3).

Таблица 3.

Негативное влияние институциональных изменений с 1991 г. на отдельные аспекты жизнедеятельности общества, в % к опрошенным по странам (данные The Pew Research Centre, 2011) [14, с.5]

	Украина	Россия	Литва
Забота о других	82	65	60
Стандарты жизни	82	61	56
Закон и порядок	79	61	55
Общественная мораль	72	68	55
Напряженность работы	66	52	30
Способность людей ладить друг с другом	62	63	48
Национальная гордость	61	50	30
Семейные ценности	53	57	50
Духовные ценности	49	53	40
Межэтнические отношения	36	60	45
Личностное мировоззрение	28	30	28

Такие негативные изменения происходили одновременно с введением демократических институтов и при заметном влиянии продемократических политических сил в Украине. Кто же выиграл в результате институциональных изменений за 20 лет трансформаций?

3. Выигравшие и проигравшие в результате постсоциалистических трансформаций. Было удивительно обнаружить, что ответы на вопрос о том, кто выигрывает от демократических и рыночных изменений в украинском обществе, практически не изменились за 20 лет. Согласно данным опросов как 1991 [11; 12], так и 2009 годов в Украине [13], в восприятии подавляющего большинства респондентов выигрывают только предприниматели, бизнесмены и политики. И вновь восприятие социальных следствий институциональных изменений в Украине выглядит существенно иначе по сравнению, в частности, с Чехией, Словакией, Польшей и даже Россией (рис. 3).

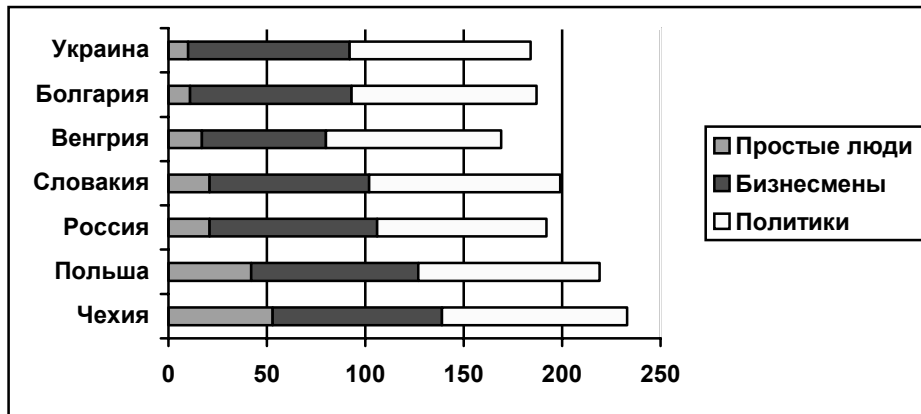

Рисунок 3. Кто выиграл от изменений с 1989 \ 1991 г.? (Pew Global Attitudes Project, 2009; вопросы 20a, 20b, 20c; % позитивных ответов в отношении конкретных социальных групп по странам) – [13]

Выборочный сравнительный анализ данных по восточно-европейским странам показывает, что во всех исследованных обществах (кроме Украины и России) на начальной фазе трансформаций были высокие ожидания относительно выигрыша различных социальных групп от демократических и рыночных преобразований. Так, в 1989-1991 годах позитивные ожидания (удовлетворенность) социальных эффектов изменений политической системы охватывали 74-80% творческой интеллигенции, 43-38% инженеров и военных в Чехии и Словакии; 65% рабочих, 81% шахтеров, 77% военных в Румынии; 77% ученых, 74% фермеров, 81% шахтеров, 92% инженеров, 88% политиков в Польше. В Чехии и Польше, согласно данным исследовательского центра в Вашингтоне, эти ожидания в определенной мере оправдались: "выигравших" среди категории "простых людей" в восприятии граждан оказалось 40-50%.

В восприятии же украинских граждан в 1991 году проигравшим было практически все общество, кроме политиков и бизнесменов. Такое же восприятие реальности сохранилось и через 20 лет. Причем, даже бизнесмены-предприниматели оказались в относительно меньшем выигрыше, чем такие же группы в других восточно-европейских странах. Фактически, результатами институциональных изменений общества смогли полноценно воспользоваться только политические элиты. Такой резкий диссонанс получил выражение в массовой аномии и дезориентации в социальном поведении.

4. Личностная автономия и установки на поддержку со стороны государства. Следуя за выводами З. Баумана, можно сказать, что все мы живем сегодня в обществах повышенных рисков. Однако степень повседневных рисков утраты либо снижения благополучия является различной в разных странах. Согласно данным Европейского исследования ценностей за 2009 год, в Украине оценка гражданами собственных рисков утраты индивидуального благополучия остается значительно более высокой, чем в других европейских странах, включая Россию. Как нами было показано ранее [16], на фоне высоких рисков подавляющее большинство украинских граждан всю полноту ответственности в решении индивидуальных проблем благополучия продолжает возлагать на государство и его институты. Осознание индивидуальной или общественной ответственности представлено слабо.

Сравнительные данные за 1991 и 2011 годы показывают, что украинское общество не только сохранило, но и усилило патерналистские установки за прошедшие 20 лет либерализации. По данным исследовательского центра в Вашингтоне [14, с.39-4], доля тех украинцев, которые ориентированы на внешнюю поддержку со стороны других людей в достижении индивидуального успеха за этот период увеличилась с 44% до 60%. Причем, патернализм в значительной степени распространен не только среди старших поколенческих групп, но и среди молодежи: поколенческий разрыв между полярными возрастными группами в поддержке патерналистских ориентаций составляет 18% в пользу старших групп, в то время как в России – 29%. Только около трети украинских граждан (32% опрошенных в 2011 году) полагают, что в достижении успеха основную роль играют индивидуальные способности и амбиции. Индивидуальную неудачу 40% возлагает на самого индивида и 49% - на общество. По данному индикатору соотношение индивидуалистов и патерналистки-ориентированных граждан в российском обществе составляет 47% к 40%; в Литве индивидуалистов заметно больше – 58% к 34%, соответственно.

5. Установки на поддержку социализма и капитализма как альтернативных социально-экономических моделей общества. Можно было предположить, что с развитием рыночной экономики, вследствие накопления опыта жизни в условиях капитализма будет увеличиваться доля людей,

поддерживающих институт частной собственности и предпринимательства, и, наоборот, уменьшаться доля сторонников государственного регулирования экономики. Однако эмпирические факты удивляют (табл. 4): более десяти последних лет почти не изменились доли тех граждан, которые поддерживают рыночные механизмы регулирования экономики, и тех, которые ориентированы на государственный контроль экономики. Поддерживающих рыночные механизмы, согласно данным Института социологии НАН Украины, все так же остается в 5-6 раз меньше чем, тех, кто поддерживает государственно контролируруемую экономику. И что наиболее неожиданно, так это то, что среди поддерживающих государственный контроль много молодежи. Думается, вряд ли такое состояние можно объяснить только фрустрацией как следствием экономического состояния общества¹. По крайней мере, сравнение с другими странами заставляет усомниться в таком объяснении.

Таблица 4.

Ценностные ориентации граждан на роль государства в управлении экономикой, 2002-2010, данные Института социологии НАН Украины, % к ответившим по годам

	2002	2005	2008	2010
1. Роль государства должна быть минимизирована в пользу рынка	6.5	5.7	6.6	5.3
2. Государственный контроль необходимо объединить с рыночными практиками	46.1	46.2	49.9	48.4
3. Необходимо вернуться к плановой экономике с полным государственным контролем	29.3	29.3	28.8	31.6
4. Затруднились сказать	17.8	17.1	13.7	14.6

В течение периода постсоциалистической либерализации доли тех, кто поддерживает альтернативы социализма и капитализма в развитии Украины, также остались почти неизменными, согласно данным Института социологии НАН Украины (табл. 5). Идеал социализма остается популярным в массовом сознании: и в 1994, и в 2010 годах 22-20% опрошенных готовы были поддержать просоциалистические силы. В то же время, сторонников сил альтернативного - капиталистического пути развития украинского общества все также остается меньше – 11-13%.

Таблица 5.

Установки граждан на поддержку сил социализма и капитализма (данные Института социологии НАН Украины, 1994 – 2010 гг., % к ответившим по годам)

	1994	1998	2002	2006	2010
1. Поддержка сторонников социализма	22.1	23.6	27.5	26.7	20.3
2. Поддержка сторонников капитализма	12.7	11.1	12.1	12.0	11.4
3. Поддержка обеих сил, лишь бы не конфликтовали	23.7	19.6	16.3	21.7	24.5
4. Никого не поддерживают	20.0	23.5	22.4	21.3	24.4
5. Затрудняются ответить	21.5	22.3	21.7	18.3	19.4

Несмотря на высокие риски индивидуального и социального благополучия, украинское общество остается очень толерантным, хотя при этом и не стало более либеральным.

Выводы и дискуссионные вопросы

Итак, можем ли мы говорить о наследии государственного социализма в политической культуре украинского общества? Проанализированные данные дают множество подтверждений того, что ценностно-поведенческое наследие государственного социализма присутствует в политической культуре. Это наследие проявляется в массовом сознании, прежде всего в высоком значении патерналистских ценностных ориентаций, массовых установках на поддержку со стороны государства, в низком значении индивидуальной ответственности. Украинское общество демонстрирует высокую зависимость массового сознания от патерналистско-этатистских ценностей и верований, которые были ключевой характеристикой политической культуры позднего советского общества.

Политическая культура общества остается фрагментарной и парадоксальной. В частности, как мы показывали ранее в совместной с А.П. Горбачиком в статье [16], в сознании граждан Украины высокое значение установки на социальную защиту с помощью государства сочетается с очень высоким

¹ В частности, такое объяснение предлагают авторы аналитического доклада по Украине, России и Литве The Pew Research Centre [14, с.4].

недоверием всем государственным институтам и очень низкой оценкой способности государства реально поддержать людей.

В течение постсоциалистических трансформаций украинское общество научилось быть несколько более прагматичным, скептическим и стало более "трезвым" в отношении демократии и перспектив ее развития в стране. Общество не стало более авторитарным в поведенческих установках, но более настойчиво стало поддерживать авторитаризм как альтернативу неэффективному правлению и реальной электоральной демократии в Украине.

Результаты анализа подводят нас к формулированию принципиального вопроса, который касается закономерностей развития общества как такового и социетальных трансформаций, в частности: *может ли ценностно-поведенческое наследие в политической культуре быть преодолено в обозримом будущем, если либеральные реформы не смогли это сделать за 20 лет?*

Похоже, необходимо признать, что коридор изменений общественной системы *определен возможностью ценностных изменений самого общества*. Более жесткое (и исторически пессимистическое) предположение связано с признанием особой роли *культурной матрицы общества* как устойчивой подсистемы базовых ценностей и установок, типичных для конкретного общества и воспроизводимых в течение длительного исторического времени (или – всей истории жизни данного общества?). Попытки преодоления таких культурных барьеров с помощью несоответствующих институтов способны привести к деформации институтов и неуспешности в общественном развитии.

Литература:

1. Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. Transaction Publishers, 1990. – 178 p.
2. Linz, Juan J., Alfred Stepan. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1996.
3. Linz, Juan J. (1978). The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1976.
4. Kubik J. Cultural Legacies of State Socialism: History Making and Cultural-Political Entrepreneurship in Postcommunist Poland and Russia \ G.Ekiert, S.E.Hanson (Eds.) Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe. Assessing the Legacy of Communist Rule. – Cambridge University Press, 2003. - Pp.317-352.
5. Ekiert G., S.E.Hanson Time, Space, and Institutional Change in Central and Eastern Europe \ G.Ekiert, S.E.Hanson (Eds.) Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe. Assessing the Legacy of Communist Rule. – Cambridge University Press, 2003. - Pp. 15-48.
6. Rose R., Mishler W., haerpfer Ch. Democracy and Its Alternatives. Understanding Post-Communist Societies. – The John Hopkins University Press, Baltimore, Maryland, 1998.
7. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. — 1992. — № 4.
8. Almond G., Powell B. Comparative politics: System, process, and policy. - Little, Brown, 1978
9. Rosenbaum W.A. Political culture (Basic concepts in political science). New York, Praeger, 1975.
10. Fuchs D. The Political Culture Paradigm \ Russell J. Dalton, Hans-Dieter Klingemann (Eds.) Oxford handbook of political behavior. - Published to Oxford Handbooks 2007.
11. Barnes S.H., Simon J. The Postcommunist Citizen. – Erasmus Foundation, Budapest, 1998.
12. Политическая культура населения Украины: Результаты социологических исследований / Головаха Е.И., Панина Н.В., Пахомов Ю.Н. и др. – К., 1993.
13. End of Communism Cheered but Now with More Reservations \ The Pulse of Europe 2009: 20 Years After the Fall of the Berlin Wall. – The Pew Research Centre, Washington, 2009. – Электронный ресурс: <http://www.pewglobal.org/2009/11/02/end-of-communism-cheered-but-now-with-more-reservations/>
14. Twenty Years Later: Confidence in Democracy and Capitalism Wanes in Former Soviet Union \ Pew Research Centre, 2011. – Электронный ресурс: <http://www.pewglobal.org/files/2011/12/Pew-Global-Attitudes-Former-Soviet-Union-Report-FINAL-December-5-2011.pdf>
15. СТАН ДОТРИМАННЯ ПОЛІТИЧНИХ ПРАВ ТА ГРОМАДЯНСЬКИХ СВОБОД В УКРАЇНІ \ Аналітичний звіт за 2010 – перше півріччя 2011. – Електронний ресурс: <http://freedomhouse.org.ua/files/DSUreport2011.pdf>
16. Куценко О., Горбачик А. Соціально відповідальна держава в очікуваннях громадян: українське суспільство в європейській перспективі \ Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. Вип.941. - 2011. - С. 111-124.